

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 81-13

ДИСКУРС И ЗНАНИЕ¹

Т. А. ван Дейк*Университет Помпеу Фабра
(Барселона, Испания)**e-mail:
vandijk@discourses.org*

В статье рассматривается связь между дискурсом и знанием. Эпистемологическая задача статьи заключается в формулировании нового взгляда на знание как разделяемое в эпистемическом сообществе мнение, а также в применении эпистемологического подхода к осмыслению дискурсных контекстов. В статье обсуждается влияние ментальных моделей участников коммуникации на управление знаниями на всех уровнях дискурса с помощью фокуса, синтаксических конструкций, пресуппозиций, импликаций, эвиденциальности и т.д. В статье показано, что дискурс предполагает актуализацию и формирование как ситуационных, так и контекстных моделей событий и ситуаций, интерпретация которых возможна на основе общего, социально разделяемого в эпистемическом сообществе знания. Эти модели влияют на производство и понимание дискурса на всех его уровнях. Основные положения статьи иллюстрируются примерами их инаугурационной речи Барака Обамы 2009-го года.

Ключевые слова: дискурс, знание, эпистемические характеристики дискурса, ментальная модель, управление знаниями.

Введение

Знание и дискурс представляют собой фундаментальные понятия в социально-гуманитарных науках. Но в то же время поразительно незначительное число обстоятельных работ посвящено не менее фундаментальной связи между этими двумя понятиями.

Эпистемология, в целом, не рассматривает проблему дискурса, а лингвистика и дискурс-анализ лишь вскользь затрагивают проблемы знания (например, интерпретируя его в исследованиях, посвящённых топике или фокусу внимания, как уже существующую «информацию»). Социальные науки периодически обращаются к теме знания (особенно научного или медицинского), но через призму дискурсов, выражающих или регулирующих его. Целью этой статьи является обобщение теории «естественного» знания и его фундаментального значения для исследований дискурса. Поскольку когнитивная и социальная психология представляются единственными дисциплинами, уделяющими большое внимание роли знания в реализации дискурса, нашим общим подходом к отношению между дискурсом и знанием будет социокогнитивный подход.

Положения теории естественного знания

Поскольку не представляется возможным представить краткие выводы по всем эпистемологическим наработкам как в исторической, так и в сравнительно недавней ретроспективе, мы рассмотрим здесь лишь основные характеристики знания, которые

¹ На английском языке опубликовано: Van Dijk T.A. Discourse and knowledge / James Paul Gee & Michael Handford (Eds.), Handbook of Discourse Analysis. London: Routledge, 2012. pp. 587 – 603. Перевод на русский язык – Е. А. Кожемякин.

имеют отношение к теме статьи (о классических и современных теориях знания см., например, Stehr and Meje, 1984; Wilkes, 1997; Goldman, 1999; Bernecker and Dretske, 2000).

- Знание – это обоснованное мнение, разделяемое представителями определённого эпистемического сообщества.

- *Обоснование* (подтверждение и т. д.) мнения базируется на таких эпистемических *критериях* или *стандартах* эпистемического сообщества, как надежное наблюдение, источники информации или логическое умозаключение. Различные эпистемические сообщества могут иметь различные эпистемические критерии. Последние, в свою очередь, могут быть сформулированы авторитетными организациями, институциями или экспертами, принадлежащими сообществу.

- Знание соотносится с эпистемическим сообществом: то, что является знанием для одного эпистемического сообщества, может быть верным или неверным мнением для другого сообщества. Иными словами, мы не рассматриваем абсолютные, «истинные» мнения независимо от эпистемических сообществ и людей, которые знают и верят (см. также Garcia-Carpentero и Kölbl, 2008).

- *Истина* – это атрибут утверждений (дискурса), а не мнений, который, как мы полагаем, репрезентирует или относится к фактам или положению дел в определённой ситуации или возможном мире¹.

- Знание *контекстуально*: то, что расценивается как (обоснованное) мнение в одном контексте (например, в повседневной жизни) может не быть обоснованным в другом (например, в специализированном контексте); то, что принимается в качестве знания сегодня, может быть завтра отвергнуто как ложное мнение или суеверие (см. также Preyer и Peter, 2005).

- Знание, как правило, *предположено* (*presupposed*) или *принято как должное* в публичном дискурсе сообщества. Это одно из фундаментальных отношений между дискурсом и знанием.

- Существуют различные *типы* знания. В этой статье мы обращаемся к так называемому *декларативному* знанию («знаю, что...»), которое отличается от процедурного знания или способности («знаю, как...»). Мы рассматриваем также преимущественно *социальное* (разделяемое) знание сообщества, а не *личное* знание. Мы также можем различать *общее* и *специальное* знание (например, знание о войнах вообще и знание о Второй мировой войне в частности), *абстрактное* (например, логическое или математическое) и *конкретное* знание, *фиктивное* (например, знание о героях романа) и *реальное* знание и так далее в зависимости от категорий носителей знания, связей между знанием и миром и вида или уровня знания.

- Социальное знание *репрезентировано* как *распределенное знание*² в *семантической памяти*³ (составляющая долгосрочной памяти) членов эпистемического сообщества (Salomon, 1993; Kronenfeld, 2008).

- Знание состоит из *концептов*, связанных с помощью *категориальных* отношений («стул – это предмет мебели» и т.п.) и более сложных *схем* или *скриптов*

¹ «Возможный мир» – укоренившееся в современной логике и лингвистике понятие, выражающее модель «возможного положения дел или возможного направления развития событий» (Я. Хинтикки), в которой были бы истинны высказываемые утверждения; условия истинности модальных утверждений (*прим. переводчика*).

² Термин «социально распределенное знание» (“socially distributed cognition”) восходит к работам 1980-х гг. психолога Э. Хатчинза. В современных когнитивных исследованиях этот термин выражает трактовку знания не как феномена индивидуального сознания, а как явления, «распредоточенного» среди индивидов, предметов, артефактов и т.п. (*прим. переводчика*).

³ Термин «семантическая память» (“semantic memory”) активно используется в современной экспериментальной психологии (Э. Тулвинг, Л. Джакоби, М. Даллас, Д. Сомье и др.) и обозначает «эксплицитную память значений», «память понимания» и «память концептуального знания»; противопоставляется «неявной» или «процедурной памяти» (*прим. переводчика*).

(например, представлений о том, как выглядит кухня или человек, или о том, что необходимо делать в кинотеатре) (Schank и Abelson, 1977).

- Знание *укоренено в нейроструктуре* мозга, а его *модальная* спецификация является производной от нашего повторяемого повседневного опыта взаимодействия с окружающей средой (например, визуальная информация об автомобиле, шум двигателя связываются с нейронными двигательными зонами мозга, что позволяет нам водить автомобиль, с зонами мозга, отвечающими за эмоции, что позволяет нам любить или ненавидеть автомобили и т.д.; Barsalou, 1999, 2003, 2008).

- Знание традиционно *описывается* в терминах *пропозиций*, которые могут быть выражены в естественных или формальных языках. Это допустимо с практической точки зрения, поскольку мы нуждаемся в естественном языке, чтобы говорить о знании. Тем не менее, вызывает сомнение то, что сознанию присущи какие бы то ни было пропозиции, выражающие знание (такое, как, например «автомобиль – это транспортное средство»). Более разумным представляется трактовать знание в терминах *сетей* или *схем*, имеющих отношение к нейроструктуре мозга.

- Знание, как мы увидим это далее, может быть *получено* из (вызывающего доверие) дискурса или за счёт деконтекстуализации или абстрагирования от конкретного личного опыта, репрезентированного в качестве субъективной *ментальной модели* в эпизодической памяти (что также является составляющей долговременной памяти).

- *Ментальные модели* представляют собой субъективные репрезентации *событий* или *ситуаций*, в которых индивид участвует в определённый *момент времени*, в определённом *месте*, взаимодействуя с другими участниками (обладающими различными *идентичностями* и социальными *ролями*) и будучи вовлечённым в определённое *действие* с определёнными *целями*. Помимо индивидуальных мнений, эти модели могут включать в себя эмоции. И наоборот, мы используем и применяем наше знание, чтобы интерпретировать и репрезентировать наш повседневный опыт, и *конструируем* его в качестве ментальных моделей. Как мы можем убедиться на примере романов, фильмов и фантазий, люди могут конструировать ментальные модели, не соотносящиеся с реальностью.

Ментальные модели в коммуникации и интеракции

Ментальные модели играют главную роль в процессе *понимания и производства дискурса*. Поскольку они репрезентируют событие так, как мы его переживаем (или так, как узнаем о нём), они составляют базис всех жанров дискурса, основанных на репрезентации таких особых событий, как разговоры, истории или новости. И наоборот, в ходе понимания дискурса реципиенты обычно конструируют или обновляют семантическую ментальную модель ситуации или события, к которому обращён дискурс; в этом случае речь идёт о *ситуационной модели*, хранящейся в эпизодической памяти (см. Johnson-Laird, 1983; van Dijk и Kintsch, 1983; Kintsch, 1998; Zwaan и Radvansky, 1998; Van Oostendorp и Goldman, 1999).

Тем не менее, следует ещё раз подчеркнуть, что подобные модели индивидуальных мнений интерпретируются не только на основе индивидуального опыта (восприятие, дискурс и т. д.), но также и в ходе *применения* или *конкретизации* более общего, социально разделяемого знания и мнений. Именно поэтому мы способны выражать и транслировать наши ментальные модели другим людям, и именно поэтому дискурс является, в первую очередь, *осмысленным и доступным для понимания*. Это означает, что посредством дискурса, коммуникации и интеракции наши собеседники (носители того же языка и представители того же эпистемического сообщества) способны в большей или меньшей степени реконструировать *то, что мы имеем в виду* – точнее, ментальную модель. Итак, *понять дискурс – значит истолковать его ментальную модель или интенции (ментальные модели) говорящего*. И напротив, пла-

нирование дискурса означает толкование ментальной модели соответствующей коммуникативной речевой деятельности.

Теория ментальных моделей позволяет нам радикально связать понятия «дискурс» и «знание», с одной стороны, и увидеть связь между коммуникацией и интеракцией – с другой. Люди способны «читать мысли» других людей в процессе приемлемой и достоверной реконструкции их ментальных моделей.

Контекстные модели

В процессе дискурса коммуниканты не только формируют *семантические* ситуационные модели соответствующих событий, но и рефлексивно интерпретируют динамические *прагматические* модели самой коммуникативной ситуации и её элементов, в которой они сами принимают участие. Эти модели мы обозначаем термином *контекстные модели* (van Dijk, 2008a; Givon, 2005). Они являются определяющими в условиях управления дискурсом, поскольку они репрезентируют способ, которым коммуниканты интерпретируют текущую ситуацию как относящуюся к текущему дискурсу. Контекстные модели позволяют носителям языка адаптировать их дискурс к коммуникативной ситуации, а это является важнейшим условием *признания* их дискурса. Эти модели обычно проявляются в различных коммуникативных ролях (говорящий, реципиент, автор и т. д.), социальных ролях и идентичностях (профессор, журналист), социальных категориях (гендер, класс, возраст и т. д.), отношениях (друг, враг, помощник), а также в определённых целях, интенциях и уровне информированности коммуникантов в каждый момент интеракции. Поскольку и знание, и интенции постоянно меняются в ходе дискурсной деятельности (производство, понимание), контекстные модели являются в высшей степени *динамичными*.

Одной из ключевых функций контекстных моделей является *управление знанием в ходе интеракции*. Это означает, что коммуниканты используют стратегии «планирования аудитории» и стремятся к приведению их дискурса и действий в соответствие с принятым знанием среди других участников коммуникации. У говорящего, как правило, нет необходимости каждый раз удостоверяться, что аудитория знает то же, что и он; он может просто *допускать* эту информацию в своём дискурсе. Поскольку общее социокультурное знание разделяется членами одного эпистемического сообщества (культуры, общества, страны, города, профессии и т. д.), коммуниканты часто знают, что их реципиенты знают то же, что и они. Принадлежность одному эпистемическому сообществу – это основа мощной и простой стратегии прагматического управления разделяемым общим социокультурным знанием. Это также важно для конструирования семантических ментальных моделей, репрезентирующих понимание дискурса. Среди многих других функций контекстных моделей выделим также достижение *взаимопонимания* среди участников интеракции (Clark, 1996).

Контекстные модели не только предлагают инструментарий реализации эпистемических стратегий. Они также выражают взаимные интенции коммуникантов. Распознавание интенций других – это базовое условие человеческого взаимодействия (Tomasello, 2008). Чтобы понять действие, в том числе и коммуникативное, люди должны соотнести интенцию с наблюдаемым поступком субъекта/говорящего. Но поскольку сами интенции не наблюдаемы, люди вынуждены, так сказать, «читать сознание» других. Это означает, что у нас есть имплицитная «теория сознания», которая позволяет нам судить об интенциях других людей, например, с помощью симуляции сознания других в собственном сознании (Givon, 2005; Goldman, 2006; Barsalou, 2008), когда мы наблюдаем за поведением людей, устанавливаем визуальный контакт и т. д. Не так давно было установлено, что мозг человека обладает специальными «зеркальными нейронами», позволяющими нам выполнять такую симуляцию.

Стратегии реализации дискурса

Сформулировав теоретические положения, мы можем теперь перейти к вопросу о том, как дискурс ментально производится и какую роль в этом процессе играет знание. Важно понять, что эти процессы являются стратегическими: быстрыми, но основанными на допущениях и умозаключениях, которые могут быть неверными и приводить к различным ошибкам. Вот некоторые из таких стратегий реализации дискурса (подробнее см. van Dijk и Kintsch, 1983; Britton и Black, 1985; Britton и Graesser, 1996; Graesser и др., 1997; Kintsch, 1998; Graesser и др., 2003; McNamara и Magliano, 2009), имеющих отношение, в первую очередь, к *производству* дискурса (большинство психологических исследований дискурса направлены на изучение только *понимания*, что гораздо проще контролировать в лабораторных условиях):

Формирование модели опыта

В определенной социальной ситуации (беседа, лекция, посещение врача и т.д.) субъект дискурса формирует ментальные модели ситуации или опыта (модель опыта), включающие в себя ментальные репрезентации текущей *обстановки* (время, место и т.д.), своего "я" (текущие роли и идентичности), *других участников* общения (их текущие роли и идентичности), своих *целей*, текущей *интенции + поведения (действия)*, а также текущего *знания* и *интенций* участников общения. Модели опыта влияют на все (взаимо)действия в ситуации.

Формирование модели контекста

Если текущая ситуация предполагает вербальную коммуникацию, то субъект формирует контекстную модель, общая структура которой аналогична структуре модели опыта, но с коммуникативными ролями (говорящий или автор, реципиент и др.), целями, интенциями коммуникативных действий, а также предполагаемым релевантным знанием и знанием, которое должно быть сообщено другим (желания, точки зрения). Именно контекстная модель динамично и непрерывно влияет на весь дальнейший процесс производства дискурса с целью приведения всех его уровней в соответствие с текущей ситуацией.

Формирование/выбор ситуационной модели ситуации

В тех случаях, когда знание о событии должно быть передано другим (например, истории или новости), актуализируется субъективная ситуационная модель события, и стратегический выбор важной, релевантной и приемлемой (и пока еще не известной) информации происходит в соответствии с контекстной моделью в текущей коммуникативной ситуации и с учетом конкретной аудитории.

Выбор жанра

Под влиянием контекстной модели и в зависимости от текущих обстоятельств, коммуникантов, их коммуникативной деятельности (например, рассказ историй, парламентские дебаты, работа с новостями и т.д.), целей и интенций, определяется релевантный жанр, позволяющий организовать дискурс (например, устный рассказ, парламентская речь или информационная заметка в прессе). В зависимости от коммуникативного события выбор жанра может совпадать по времени с конструированием контекстной модели. Жанры в действительности представляют собой конвенциональные дискурсивные практики, зависящие в широком смысле от контекста.

Семантика

Под общим влиянием контекстной модели и на основе ситуационной модели выбранная релевантная (интересная и т.п.) информация вводится в семантический модуль, что позволяет производить значащий дискурс. Этот модуль главным образом позволяет понимать макропропозиции, определяющие общую тематику дискурса, и

могут непосредственно обуславливать производство заголовков, резюме и лидов. Под влиянием этих общих тем (макропропозиций) реализуется линейная последовательность дискурса, пропозиция за пропозицией, слово за словом, основываясь на релевантных элементах модели ситуации, которые известны коммуникантам и которые они выстраивают в определенную последовательность в соответствии с различными стратегиями (например, хронологической последовательностью изложения рассказа или жанровой схемой информационной заметки) и с учетом правил локальной (последовательной) связности между пропозициями. Те пропозиции, которые в соответствии с информацией о реципиентах, содержащейся в контекстной модели, уже известны реципиентам, могут и не быть семантически репрезентированы в дискурсе или могут быть лишь маркированы как пресуппозиционные, например, за счет включения в структуру придаточного предложения.

Синтаксис и лексика

Пропозиции (значения предложений), сформированные таким образом, последовательно вводятся в синтаксический и лексический модули в виде упорядоченных последовательностей лексических единиц и соответствующих синтаксических паттернов, контекстуально подходящих для выражения пропозиций (подробнее см. Levelt, 1989).

Выражение

Синтаксически организованные комплексы лексических единиц предложения представлены с помощью одного из нескольких мультимодальных модулей выражения - фонетической, визуальной или иной артикуляции - под влиянием общей контекстной модели таким образом, что произношение, стиль написания, изображения и прочее соотносится с конкретной ситуацией.

Пересечение уровней

Все средства выражения (форматы, синтаксические формы, лексические единицы, звуки, визуальные средства и т.д.) отбираются не только в соответствии с функцией обуславливающей их модели события и глобальными и локальными смысловыми структурами, но и в соответствии с прагматической контекстной моделью, которая определяет соответствующий характер реализации дискурса в текущей коммуникативной ситуации.

То, что представлено выше, это, бесспорно, наиболее общая схема стратегий производства дискурса. Процесс *понимания дискурса* в большей или меньшей степени реализуется в соответствии с этими стратегиями, но в другом порядке, начиная с ситуации взаимодействия, модели опыта и контекстной модели, только субъекты речевой деятельности принимают и выполняют функции реципиентов в своих собственных контекстных моделях. Это означает, что реципиенты, ставя определенные цели в соответствии с их контекстной моделью, интерпретируют субъективную ситуационную модель дискурса, который они стратегически, последовательно понимают - слово за словом, предложение за предложением, шаг за шагом. Повторим, что они способны это осуществлять благодаря *актуализации соответствующих элементов общего социального знания, уточняя и применяя* его к конкретному событию, совершенствуя предшествующие модели, истолкованные в ходе предыдущих коммуникативных событий. Это также означает, что ментальная модель гораздо богаче, чем сам текст, поскольку она может включать в себя пропозиции, которые *выводятся* реципиентами из их общего знания, но не выражены в самом дискурсе, как, например, возможные причины или следствия действий.

Знание и структуры дискурса

Как уже было отмечено ранее, в рамках социокогнитивного подхода, которого мы придерживаемся, роль контекста в производстве и понимании дискурса является

фундаментальной. Поскольку знание также составляет контекст, то каждый уровень дискурсной структуры зависит от знания коммуникантов, что мы и показали в предыдущем разделе статьи. Далее мы рассмотрим, как знание субъектов дискурса влияет на структуру дискурса.

Это, во-первых, наиболее очевидно в отношении знания языка. Впрочем, не существует никакой четкой границы между знанием языка и знанием о мире. Это особенно справедливо в отношении нашего *лексического* знания, в котором знания слов и их значений смешиваются с нашим концептуальным знанием о «мире». Так, вряд ли значение слова «терроризм» очень сильно отличается от того, что мы знаем о терроризме как социальном и политическом явлении.

Важным следствием контекстуального подхода к дискурсу является идея о том, что коммуниканты уже многое знают друг о друге – интенции, цели, большую часть значений – даже до того, как они произносят и слышат первые слова во время общения. Таким образом, степень детализации и эксплицитности дискурса зависит от разделяемого коммуникантами знания.

Далее мы обратимся к конкретному примеру для того, чтобы более подробно рассмотреть то, как знание связано со структурами дискурса, как оно предполагается, косвенно и прямо выражается и сообщается в дискурсе.

Пример: инаугурационная речь Президента Обамы

В качестве примера мы рассмотрим некоторые фрагменты (речь целиком без труда может быть обнаружена в сети Интернет) инаугурационного обращения Барака Обамы 20 января 2009 года. Причина, по которой был выбран этот пример, состоит в том, что речь включает в себя знание, разделяемое большинством граждан США и многими другими людьми в мире. Обращение обладает характеристиками устной речи, но в то же время его формальный стиль близок к письменному тексту.

Фонетика: знание, информация и роль фокуса

Мы кратко опишем то, как выражается и предполагается знание в фонетической структуре дискурса; кратко, поскольку формат просто не позволяет представить фактическое звучание речи Обамы. Тем не менее, укажем, по крайней мере, на один типичный способ представления знания (или «информации») в дискурсе, в частности, тот, который обозначается термином *фокус* (или *рема*) (см. Lambrecht, 1994; Erteschik-Shir, 2007). Эта функциональная часть предложения обычно интонируется в речи особым образом, а в английском и многих других языках она чаще всего появляется в конце предложения или интонационной группы. То, что важно в контексте нашей темы, так это то, что фокус обычно манифестирует ту часть «информации» главного или придаточного предложения, которая является «новой» и менее предсказуемой, чем другие члены предложения, например, иницирующие или «тематические». Тема предложения, как правило, развивает предыдущие фрагменты дискурса или контекста, например, с помощью местоимения или определенной дескрипции, в частности, с помощью дейктического местоимения *я* (обычно относящегося к говорящему). Рассмотрим в качестве примера начало речи Президента Обамы:

(1) Я стою перед вами сегодня, чувствуя смиренность перед величием стоящих перед нами задач, испытывая признательность за оказанное мне доверие и вспоминая жертвы, которые принесли наши предки¹.

Контекстуально разделяемое знание выражено в этом фрагменте местоимением *я*, относящимся к конкретному говорящему; официальным местоимением множественного числа *мы*, которое часто используют главы государств; местоиме-

---

¹ Оригинал русскоязычного перевода речи Барака Обамы размещён по адресу: <http://www.voanews.com/russian/2009-01-20-voa36.cfm>. В этой статье указанный перевод публикуется с незначительными изменениями (*прим. переводчика*).

нием *вами*, относящимся к аудитории и – шире – к гражданам США; настоящим временем глагола *стою*; дейктическим наречием *сегодня*, относящимся к темпоральному аспекту контекстной модели Обамы; притяжательным местоимением *наши*, относящимся к народу США (к которому Обама обращается как к реципиенту в его контекстной модели).

Для тех, кто присутствует при инаугурации или смотрит церемонию по ТВ, является контекстуально (визуально) ясным, что Президент произносит речь стоя, что он в данный момент принимает президентский пост, что перед ним стоят очень важные задачи – факты, которые относят нас к политическому значению и функции его речи.

Иными словами, первая часть предложения практически полностью выражает контекстную модель Обамы в момент своего обращения. Частью контекстной модели говорящего является также фрагмент предложения, содержащий не вполне стереотипное выражение эмоционального состояния Президента, – тот, в котором он описывает его как «*чувство смиренности*»: хорошо известный приём скромности, составляющий часть общей прагматической стратегии позитивной самопрезентации.

Итак, контекстуально «новая», еще не известная аудитории информация в этом фрагменте выражена в том, что Обама говорит о себе, о своих мыслях и эмоциях. Таким образом, основной фокус в этом фрагменте реализуется с помощью лексических единиц «*чувствуя смиренность*», «*испытывая признательность*» и «*вспоминая жертвы*». В данном случае фокус конструируется не просто за счет функциональности информации, выраженной этими словосочетаниями, в частности, за счет использования приёма скромности как части стратегии позитивной самопрезентации, но и за счёт риторического параллелизма, включающего три дескрипции ментально-эмоционального состояния. Это означает, что в этом отрывке фокус выражается не столько в конце предложения, сколько первыми словами придаточных предложений с целью усиления акцента на текущем внутреннем состоянии Президента.

Эти убеждающие приёмы, реализуемые на данном уровне дискурса, нацелены, главным образом, на позитивное влияние на контекстные модели реципиентов – процесс, который в классической риторике известен как *captatio benevolentiae*, а в современной социально-психологической терминологии обозначается как *управление впечатлениями* (Tedeschi, 1981).

Синтаксис

Порядок слов в предложении, семантико-синтаксические отношения, определённые дескрипции, номинализации, пассивные конструкции и многие другие синтаксические особенности дискурса так или иначе связаны с доступностью и возможностью получения информации в текущей ситуации и контекстных моделях (подробнее см., например, Givon, 1983; Lambrecht, 1994; Partee и Sgall, 1996).

В первом предложении своей речи Обама говорит о *доверии* и *предках*, то есть использует информацию об агенсах дискурса, которая может быть получена из контекстуально актуализированной информации о «народе США», к которому он обращается.

В обращении Обамы мы можем найти пассивные конструкции, герундии, субстантивацию, агенсы которых остаются в значительной степени имплицитными – это означает, что они не являются незначимыми, просто они не могут быть установлены исходя из предшествующего или последующего дискурса или общего фонового знания:

- (2) (i) Потеряно жилье, сокращены рабочие места, закрыты предприятия
- (ii) (...) ослабление уверенности (...)
- (iii) фальшивые обещания, взаимные обвинения (...)

В этих фразах не сообщается, кто потерял жильё, чьи рабочие места сокращены и какие предприятия закрыты, чья уверенность ослабла и кто даёт фальшивые обеща-

ния. В некоторых случаях эта информация становится очевидной, если она выводима из социального знания (например, для тех, кто потерял жильё), в других случаях понять, кто и что совершил далеко не так просто (как в случае с «ослаблением уверенности»), а иногда оратор избегает прямых политических обвинений (как в случае (iii)), которые могут относиться к предшествующей администрации. Но в целом, в речи Обамы достаточно эксплицитно выражаются агенты, особенно позитивные и, в первую очередь, он сам. Более того, его предвыборный слоган «Да, мы можем» (“Yes we can”) встречается в речи в различных видах, сообщая об активных действиях, которые предстоит совершить Президенту, его администрации и американской нации. В этом слогане агент не сокрыт с помощью пассивных конструкций или субстантивации. В более общем смысле, идеологическая стратегия идеологического дискурса состоит в том, чтобы акцентировать *наше* хорошее и *их* плохое (и де-акцентировать *наше* плохое и *их* хорошее) (van Dijk, 1998). Так, наши позитивные действия могут быть акцентированы с помощью эксплицитного самоотнесения с агентами этих действий. В то же время примирительная и дипломатическая политика Обамы представлена таким образом, что он не акцентирует и не делает эксплицитными плохие качества оппонентов или врагов, говоря о них лишь в достаточно абстрактных выражениях.

Значение: от лексических единиц к пропозициям

После того как мы интерпретировали первую фазу динамической контекстной модели коммуникативного события, следуя логике восприятия аудиторией речи Обамы, следующим шагом в сложной стратегии понимания дискурса является декодирование и интерпретация *слов*. Как уже было сказано ранее, «поиск» значений слов в нашем ментальном лексиконе связан непосредственно со знаниями о мире, имеющими отношение к тому, о чём мы говорим. Так, мы знаем, что слова *смиренность* или *признательность* выражают мнения или эмоции людей. Конвенциональная, культурно-ассоциативная, коннотативная составляющая лексических значений этих слов говорит о том, что это «положительные» чувства. Когда их используют в чём-либо отношении, как это делает Обама в своём обращении, это может иметь политическую коммуникативную импликацию позитивной самопрезентации с целью с самого начала произвести хорошее впечатление, включить в ментальную модель реципиентов положительное мнение или эмоции симпатии.

Однако, эти слова не используются в речи сами по себе, они являются единицами придаточных предложений, которые, в свою очередь, составляют в своей совокупности целое предложение. Таким образом, нам следует распознать значение не только этих слов, но и придаточных и целых предложений, то есть интерпретировать *пропозиции*. В то время как в философии пропозиции традиционно понимаются как высказывания, которые могут быть истинными или ложными, в лингвистике и дискурсных исследованиях их рассматривают, скорее, как высказывания, которые определяют *смысловую значимость* (Saeed, 1997).

Как мы знаем из логики и философии, пропозиции включают в себя предикат и аргументы, могут меняться в зависимости от модальности и тем самым не могут оцениваться как способ абсолютно точной репрезентации в естественном языке иногда сложного и неоднозначного значения предложения. Возможно, некоторая схематическая структура, репрезентирующая события или положения вещей, включающая в себя различные категории (обстоятельства, события, действия, участников с их различными ролями, целями и т.д.), могла бы более точно и ближе передать структуру ментальной модели, которую мы формируем в процессе понимания дискурса. Тем не менее, преимущественно из практических и формальных соображений (пропозиции легче выразить с помощью естественного языка и они поддаются формализации) мы будем обозначать локальные и глобальные дискурсные значения как пропозиции.

Так, интерпретация пропозиции или схемы события, когда Обама благодарит экс-Президента Буша, позволяет нам заключить, что Буш выполняет в этом предло-

жении роль адресата выражения благодарности. Пропозиции могут меняться в зависимости от модальных выражений, таких как «возможно, что...» или «необходимо, чтобы...», как это происходит в следующем фрагменте речи Обама на примере слов безусловно и должны, выражающих и убеждённую, и необходимость:

(3) Но время, когда мы могли позволить себе медлить, отстаивать узкие интересы и откладывать неприятные решения в долгий ящик, - это время, безусловно, прошло. Начиная с сегодняшнего дня, мы должны собраться, стряхнуть с себя пыль и снова начать перестраивать Америку.

Во всей речи Обамы мы не находим ни одной модальности, выражающей возможность или вероятность – только утверждения, сформулированные в достаточно аффирмативных модальных формах.

Последовательности пропозиций: локальная когерентность

В пропозициях, следующих за первой фразой, Обама говорит о своём внутреннем состоянии, о президентских задачах, народе США и его предках, о бывшем президенте Буше. Все эти пропозиции имеют смысл в рамках схемы политических знаний о ритуале принятия президентства, президентской речи, её реципиентах и т.д. В этом смысле первая фраза является семантически и прагматически значимой.

Другими словами, это не произвольная, а локально (последовательно) когерентная последовательность пропозиций, которая может быть интерпретирована как ментальная модель актуальных чувств и действий Обамы (van Dijk, 1977). Один из способов определения смысловой значимости в пропозициях и их последовательности – это обращение к обозначению ими возможной для реципиентов ситуационной модели. Как мы уже убедились ранее, такие модели актуализируют и интегрируют конкретные выражения общего знания и необходимых умозаключений с тем, чтобы дискурсы могли быть восприняты как когерентные.

Отметим, что обычное повторение или чередование референтов дискурса (например, повторяющееся использование местоимений: Обама ... он... его...) не является ни необходимым, ни достаточным для когерентности локального дискурса. Необходимо, чтобы пропозиции целиком, включая предикаты, аргументные роли и модальности, были связаны в соответствии с ментальной моделью. Дело в том, что локальную когерентность дискурса определяет не значение пропозиций, а их соотнесённость с ситуацией, событиями или действиями в рамках ментальных моделей дискурсантов. В очередной раз мы обращаем внимание на фундаментальную роль ментальных моделей, основанных на знаниях, в производстве и понимании когерентного дискурса.

Рассмотрим следующий параграф речи Обамы:

(4) (i) Сорока четырем американцам выпала честь принести президентскую присягу. (ii) Ее слова звучали в периоды стремительного роста и мирного затишья. (iii) Но были времена, когда присяга звучала во времена сгущающихся туч и бушующих бурь. (iv) В эти моменты Америка продолжала двигаться вперед не только благодаря умениям или видению тех, кто занимал высшие посты, но и потому что «Мы, Народ Соединенных Штатов», оставались верными идеалам своих предшественников и наших основополагающих документов.

Для того, чтобы эта последовательность предложений / пропозиций была когерентной, нам необходимы общие и политические знания об американском президентстве, президентской присяге, инаугурационной речи. Нам необходимо знать, что принесение присяги – это тип дискурса, а дискурсы состоят из слов и обычно бывают произнесены. Так, второе предложение соотносится с первым, поскольку оно развивает характеристику события, к которому относится первое предложение (принесение президентской присяги), в частности, указывает на социальные обстоятельства принесения присяги в различные периоды истории США. В то же время, о хороших и плохих периодах можно когерентно говорить за счёт использования различных, но когерент-

но связанных между собой природных метафор, таких как «стремительный рост» - для периода развития, «затишье» - для мирного периода, «сгущающиеся тучи» и «бушующие бури» - для сложных периодов. И наконец, когерентность достигается фрагмента ментальной модели, касающегося качеств и идеалов американской нации и её лидеров, являющейся также частью главной ментальной модели речи Обамы – сложного периода для мира и США и ответа на вызовы. В начале предложения (iv) мы видим темпоральную фразу (в эти моменты), которая эксплицитно создаёт временную когерентность параграфа.

И хотя последовательная дискурсная когерентность строится на референции, а значит, на модели ситуации, о которой идёт речь в дискурсе, локальная когерентность также может быть *интенциональной* (основанной на значении), например, когда одна пропозиция находится в функциональной связи с другими пропозициями (обобщение, спецификация, пример, противопоставление и т.д.). В нашем примере второе и третье предложения и их пропозиции связаны между собой как спецификации первого, поскольку в них говорится о чём-то более специфичном в отношении предмета дискурса (в частности, об обстоятельствах президентской присяги). И снова нам требуется актуализировать наши общие знания о такой присяге, чтобы суметь определить её возможные характеристики, включая также то, что определяется как отношение спецификации, предполагающее иерархическую организацию знания.

Импlications

Дискурсы похожи на айсберги. Лишь незначительная часть их значений является «видимой», будучи выраженной в предложениях с помощью эксплицитных пропозиций. Большая же часть значений остаётся имплицитной, на уровне подразумеваемых пропозиций (Vertucelli-Papí, 2000). Адресанты знают или предполагают, что реципиенты способны распознать эти подразумеваемые пропозиции на основе общего разделяемого знания, и зная или предполагая это, они определяют ментальную модель дискурса. Это означает, что ментальные модели гораздо более насыщены в содержательном плане, чем основанные на них дискурсы. Определение импликаций (подразумеваемые пропозиции дискурса) достаточно несложно: все пропозиции ситуационной модели, которые не выражены в самом дискурсе. Несмотря на общие основания и разделяемое социокультурное знание, существуют различия между эпистемическими сообществами даже в пределах одной культуры (нации, общества и т.д.), не говоря уже о различиях между индивидами. Те из реципиентов, кто знает больше об Обаме, президентских обращениях, США и их истории или о текущей социальной, экономической и политической ситуации в мире, сможет получить больше пропозиций из речи Обамы, а значит сможет построить более полную её ментальную модель (интерпретации). Рассмотрим, например, следующий фрагмент выступления Обамы:

(5) (i) *Тот факт, что мы переживаем кризис, хорошо понимают сегодня все.* (ii) *Наша страна находится в состоянии войны против широкой сети насилия и ненависти.* (iii) *Наша экономика серьезно ослаблена вследствие алчности и безответственности отдельных лиц, но также из-за нашей общей неспособности сделать трудный выбор и подготовить народ к новым временам.* (iv) *Потеряно жилье, сокращены рабочие места, закрыты предприятия.* (v) *Наше здравоохранение обходится слишком дорого, наши школы часто не справляются со своей задачей, и каждый день приносит новые подтверждения, что наши способы пользования энергией укрепляют наших врагов и угрожают нашей планете.*

В этом фрагменте представлены достаточно общие и абстрактные формулировки. Чтобы понять, о чём конкретно говорит Обама, нам необходимо актуализировать и применить достаточный объём общих знаний о социальной, политической и экономической ситуации в мире и в США. Так, предложение (ii) многими будет понято, как относящееся к войнам в Ираке и Афганистане, а «широкая сеть насилия и ненависти» – как подразумевающее главным образом Аль-Каиду (среди других террористи-

ческих групп). Точно так же, расплывчатая формулировка «алчность и безответственность отдельных лиц» в предложении (iii) может быть понята, как подразумевающая банки или другие финансовые институты, которые обвиняют в текущем экономическом кризисе, а «общая неспособность сделать трудный выбор» может быть истолковано как указание на особенности национальной политики регулирования рынка. И так далее.

У использования в речи таких неточностей и неопределённостей есть, конечно, целый ряд стратегических причин. Дело, конечно же, не только в стиле, если речь идёт о таком высоком событии, как президентское обращение. Так, Обама избегает прямого обвинения исламских фундаменталистов, поскольку такие обвинения могут вызвать волну возмущения в мусульманском мире. Обвинение банкиров и других конкретных игроков на рынке может не понравиться финансовым и экономическим элитам. Уточнение, кто конкретно неспособен сделать трудный выбор, по всей видимости, предполагает обвинение администрации Буша. И всё же компетентные реципиенты могут установить эти соответствия самостоятельно и понять, о ком конкретно говорит Обама. Во многих ситуациях политической и дипломатической коммуникации, но также и в повседневном общении одной из функций абстрактности и имплицитности является *отрицание*. В качестве контраргумента на возможные обвинения Обама всегда может сказать, что он *не говорил* того, что могли бы *подумать* многие люди.

Пресуппозиции

Одна из главных характеристик управления знанием в процессе производства дискурса – это использование пресуппозиций, то есть пропозиций, которые должны быть известны (или восприняты как истинные) для того, чтобы другие пропозиции приобрели бы смысловую значимость (воспринимались бы как истинные или ложные) (Krahter, 1998). Можно сказать, что если импликации, как было показано выше, обращены к *последствиям* пропозиций в дискурсе, то пресуппозиции – это своего рода *условия* пропозиций, пред-знание. Так, пресуппозиции – это такие подразумеваемые пропозиции, которые вытекающие из более ранних фрагментов дискурса, ситуационной модели, контекстной модели или из общих знаний, что позволяет наделять значением последующие выражения (слова, фразы, придаточные и целые предложения и т. д.). Говоря прагматически, пресуппозиции – это пропозиции, которые подразумеваются такими выражениями, не будучи при этом эксплицитно выраженными. Они как и импликации тоже могут выполнять функцию отрицания.

Пресуппозиции могут быть обнаружены и интерпретированы коммуникантами благодаря тому, что о них часто сигнализируют особые грамматические структуры, так называемые «триггеры» пресуппозиций, такие как особые («фактивные») глаголы и наречия, определённые артикли, иницирующие относительные придаточные предложения и т.д. Наиболее распространёнными примерами могут быть фактивные глаголы *прекращать, заканчивать, оставаться, знать, понимать, узнавать* или наречия *даже, не только, снова, тоже*, и многие другие. Вот, например, некоторые пресуппозиции в первых параграфах речи Обамы (в скобках указаны соответствующие триггеры):

- Буш служил нации (*великодушие, сотрудничество*) (*благодарен*);
- те, кто занимает высокие посты, обладают способностями и хорошим видением (*не только благодаря*);
- мы сейчас находимся в кризисе (иницирующее относительное придаточное предложение *тот факт, что мы переживаем кризис...*);
- то, как мы пользуемся энергией, укрепляет наших врагов (*новые подтверждения*);
- устаревшие политические аргументы, которыми мы вынуждены были так долго довольствоваться, больше не работают (*циникам не понять*);

– сила сама по себе неспособна защитить нас и не дает нам права действовать, как нам заблагорассудится (*они осознали, что*).

Пресуппозиции – это не всегда пропозиции, которые говорящий принимает в качестве известных реципиенту. Они могут применяться для того, чтобы прямо или косвенно высказывать то, что еще не было известно или высказано ранее. Здесь мы снова видим известное стратегическое средство формулирования (отрицательных) высказываний о чём-либо, не прибегая к эксплицитным утверждениям. Так, пресса и политики могут заявлять: «их беспокоит преступность среди иммигрантов», и пресуппозицией в данном случае является то, что иммигранты – преступники (это выражается с помощью определённого артикля: *the delinquency of immigrants*) (van Dijk, 1993). Обратимся к следующему фрагменту речи Обамы:

(6) В этот день мы пришли, чтобы провозгласить конец мелочным обидам и фальшивым обещаниям, взаимным обвинениям и устаревшим догмам, которые слишком долго душили нашу политику.

В этом фрагменте провозглашение «конца» мелочным обидам, фальшивым обещаниям и взаимным обвинениям предполагает (presupposes), что в реальности были обиды, обещания и обвинения. Обама прямо не утверждает это, но предоставляет эту информацию так, как будто каждый знает, о чём говорит Президент. С другой стороны, пресуппозициями могут быть те пропозиции, которые принимаются как очевидные в определённом культурном сообществе или идеологической группе, как в следующих примерах из речи Обамы:

– *Подтверждая величие нашей страны (...);*
– *Мы остаемся самой процветающей, самой могущественной страной в мире (...).*

Дескрипции

Еще одним важным семантическим аспектом дискурса, на который влияют лежащие в его основе знания, является то, как дискурс *описывает* «реальность», то есть ситуации, события, предметы, людей и т.д. И хотя этот аспект дискурса является крайне важным для дискурсивной семантики, мы всё ещё знаем слишком мало о нём; и тем не менее, мы рассмотрим некоторые характеристики дескрипций.

Гранулярность¹. Первый элемент дескрипции, о котором следует сказать, это то, что можно обозначить метафорой, заимствованной из фотографии, – *гранулярность*. Имеется в виду, что все ситуации и события (и их составляющие – предметы, люди и т.д.) могут быть описаны более или менее подробно или более или менее грубо, с большим или меньшим количеством деталей. Гранулярность может быть рассмотрена применительно к дискурсу как целое, но может и варьироваться в пределах одного дискурса. Обама говорит о текущей ситуации в США и в мире, а также о планируемых им действиях и политике, используя очень грубую гранулярность:

(7) Работа найдется для каждого. Состояние нашей экономики диктует необходимость действовать быстро и решительно; и мы будем действовать не только ради создания новых рабочих мест, но и для того, чтобы заложить фундамент нового экономического подъема. Мы построим дороги и мосты, линии электропередач и системы телекоммуникаций, питающие нашу экономику и связывающие нас в единое целое. Мы сделаем так, чтобы наука вновь заняла подходящие ей позиции, и применим самые современные технологии, чтобы повысить качество здравоохранения и понизить его стоимость. Мы заставим землю, солнце и ветер служить нам, приводя в движение моторы наших автомобилей и станки наших за-

¹ Англ. granularity, что может быть также переведено на русский язык как «степень детализации». Однако автор ссылается именно на технический термин из области фотографии, поэтому в контексте его рассуждений более подходящим русскоязычным аналогом, по всей видимости, будет «гранулярность». – прим. переводчика

водов. Мы преобразуем наши школы и университеты, чтобы они удовлетворяли требованиям новой эпохи. Все это мы можем сделать. И мы сделаем это.

Очевидно, что ни в речи, ни в программном документе не уточнены детали этих будущих «работы» и «действий» - как будут созданы рабочие места, как будут построены дороги и мосты и т.д. Каждое из этих предполагаемых действий может потребовать в будущем отдельного программного документа.

Уровень дескрипции. Гранулярность связана с уровнем дескрипции, хотя и отличается от него. Это означает, что мы можем описывать события на высоком уровне абстракции и в общих терминах или на более «низких», более конкретных уровнях. На каждом уровне мы можем сопровождать описание большим или меньшим количеством деталей, то есть уменьшать или увеличивать гранулярность. Так, в заголовках мы обычно видим высокий уровень обобщенной дескрипции события, которое детализируется и конкретизируется в основном информационном материале. Дело в том, что заголовки обычно выражают макроструктуру или тему дискурса (см. ниже). Обратимся к следующему фрагменту речи Обамы:

(8) Ради нас они собрали свои нехитрые пожитки, и пересекли океан в поисках новой жизни. Ради нас они трудились в потогонных цехах и осваивали Запад, выносили удары кнута и пахали целинные земли. Ради нас они сражались и погибали в Конкорде и Геттисберге, в Нормандии и Кхесане. Снова и снова все они - мужчины и женщины – боролись, приносили себя в жертву, работали до мозолей на руках для того, чтобы мы жили лучше. Америка для них была больше, чем просто сумма личных амбиций, и важнее, чем различия между людьми по рождению, благосостоянию и политическим взглядам.

Обратим внимание, как в этом отрывке представлены не только высокоуровневые дескрипции («пересекли океан» и т.д.), но и более конкретные, частные дескрипции, которые используются для акцентирования тяжелого труда (*собрали свои пожитки, выносили удары кнута, пахали целинные земли, работали до мозолей на руках*). Эти семантические характеристики дескрипции выполняют, главным образом, риторические функции, в частности, функцию привлечения внимания к значимости или важности описываемого события или действия.

Перспектива. События, действия и ситуации могут быть описаны с различных перспектив, например, с перспективы включённых наблюдателей или участников, с доступом или без доступа к их мыслям и интенциям, издалека или вблизи и т.д. – так, как будто бы мы описывали действия камеры при запечатлении визуальных образов.

Действие. Различные типы дискурса ориентированы в первую очередь на репрезентацию действий, как, например, рассказ историй, новостные материалы или исторические документы. Такие действия могут быть описаны различными способами – например, как было отмечено выше, с чёткой или размытой гранулярностью или на более или менее общем или конкретном уровне. Но у действий есть много прочих характеристик, которые могут быть репрезентированы в дескрипциях, например, является ли действие запланированным / преднамеренным или более или менее спонтанным, более или менее осознанным субъектом или агентом дескрипции, более или менее успешным и т.д. (см., например, van Leeuwen, 1995).

Агенты. Агенты также могут быть по-разному описаны, например, в терминах коллектива или институции, как анонимные, названные или описанные субъекты, как персонифицированные или безличные, обобщённо или конкретизировано, как индивиды или представители категорий, как целое или коллектив и т.д. (см. van Leeuwen, 1995).

Эти же замечания могут относиться к дескрипциям событий, ситуаций, предметов, мест, природы и т. д.

Для предмета нашего исследования важным является то, что все эти различные типы, формы и характеристики дескрипции предполагают и общие знания о мире, и ментальные модели, лежащие в основе дискурса. Грубые дескрипции способствуют формированию грубых, обобщённых ментальных моделей, когда реципиенты неспо-

собны или не желают получать более точную информацию о событиях или действиях. Точные дескрипции не только способствуют более точным ментальным моделям ситуациям, но также сигнализируют реципиентам, что текущий фрагмент дискурса является важным или релевантным, как бы замедляя чтение и обеспечивая более глубокую обработку предлагаемой информации, а это, в свою очередь, скорее всего, способствует лучшему запоминанию и последующему воспоминанию событий. Это справедливо также и для дескрипций общего и частного уровней. Дескрипции агентов и действий также предполагают и формируют ментальные модели, например, для лучшего понимания и объяснения действий, причин, целей и результатов действий. Описание человека только как представителя определённой группы или категории, например, как «иммигранта», будет иметь иной эффект в отношении ментальной модели, нежели если мы будем описывать его по имени и роли (отец, мать, друг и т.д.) с целью его идентификации и поддержки симпатии к нему, что будет способствовать поддержке эмоциональной составляющей ментальной модели (van Dijk, 1984, 1987). Возьмём в качестве примера следующий фрагмент речи Обамы:

(9) Подтверждая величие нашей страны, мы понимаем, что величие не дается даром. Его необходимо добиваться. На нашем пути мы никогда не искали легкого выхода и не довольствовались малым. Этот путь был не для слабых духом – тех, кто предпочитал труду праздность и удовольствия, связанные с богатством и славой. Это был путь для тех, кто готов рисковать и действовать, кто умел делать дело. Некоторые из них получили признание, но чаще эти мужчины и женщины трудились в безвестности. Однако благодаря им мы с честью прошли долгий путь к процветанию и свободе.

Агенты описаны здесь не как представители категорий (лишь в конце отрывка – как мужчины и женщины) и не по имени или групповой принадлежности, а на основании природы и характера их действий (*слабые духом; готовые рисковать; готовые действовать; умеющие делать дело*) или результатов их действий (*получившие признание vs. трудившиеся в безвестности*). Обама таким образом абстрагируется от самих агентов и фокусируется на качествах строителей Америки. Такая дескрипция непосредственно определяет конкретную ментальную модель конкретных агентов и их действий, но в более общем, если не обезличенном образе истории США.

Эвиденциальность

Во многих дискурсных жанрах коммуниканты рассчитывают на источники своих знаний – характеристика, которая обозначается термином *эвиденциальность* (Chafe и Nichols, 1986). В повседневных разговорах рассказчики могут подтвердить или легитимировать их знания как полученные из надёжных источников – от друзей, экспертов и массмедиа до личных наблюдений. Так, научный дискурс буквально насыщен ссылками, которые обеспечивают необходимыми гарантиями утверждения, которые не являются результатами самостоятельно проведённого исследования.

Как и прочие семантические аспекты дискурса, эвиденциальность может реализовываться в различных формах и может выполнять различные прагматические и прочие социальные функции. Мы можем подтверждать наши утверждения с помощью нашего или чужого опыта или исследований, мнения надёжных людей или экспертов, обобщённых терминов («учёные выявили, что ...») или конкретных или персонализированных источников (например, описания авторских источников). Таким же образом мы можем описывать ситуации или контексты, из которых мы получаем знания: например, из вчерашнего разговора с другом, из Google, из энциклопедии, из лекции и т.д. И чем больше деталей мы при этом используем, тем с большей вероятностью у собеседника возникнет ощущение надёжности и достоверности источника или способа получения знания, а это делает наше сообщение более убедительным. Обама делает целый ряд общих, обширных утверждений в своей речи, когда он в очень пространственных выражениях (грубая гранулярность) описывает текущую социальную и политическую

ситуацию в мире. В президентской речи, конечно же, не используются ссылки на источники. Признаётся, что этот тип дискурс создаётся экспертами и основывается на достоверной политической информации, полученной из государственных учреждений. В то же время, из анализа дискурсов Буша и Блэра мы знаем, что эвиденциальность может быть очень утончённой (van Dijk, 2008b). Обама произносит следующий короткий (и достаточно неопределённый) фрагмент об источниках информации и своих знаниях о текущей ситуации:

(10) Все это признаки кризиса, подтвержденные фактами и статистикой. Труднее измерить ослабление уверенности по всей стране, жителей которых снедает гнетущая тревога того, что упадок Америки неизбежен, и что следующее поколение должно снизить свои ожидания.

Макроструктуры: темы

И наконец, дискурсная семантика обращается к изучению не только локальных значений придаточных и целых предложений, но также и крупных фрагментов дискурсов или целых дискурсов. Странно, что этот уровень описания игнорируется многими лингвистами и даже лингвистически ориентированными дискурс-аналитиками, несмотря на крайнюю важность этого макроуровня дискурса. Семантические макроструктуры представляют собой иерархическую схему макропропозиций, которые «обобщают» микропропозиции более низких уровней. Макроструктуры обеспечивают глобальную когерентность, идентификацию тем глобальных тем дискурсов, планирование и воспоминание дискурса, а также описание многих жанровых особенностей дискурса, таких как заголовки и лиды новостей, названия и аннотации академических статей, заключения во многих видах дискурса (подробнее см. van Dijk, 1977, 1980).

Макропропозиции не только организуют значения в дискурсе, но также могут быть эксплицитно выражены и таким образом предшествовать или следовать за дескрипциями низшего уровня (заголовки, вводные тематические предложения, заключения). Так, параграф может начинаться с высокоуровневых пропозиций, которые будут уточняться и развиваться в остальной его части, как это представлено в следующем фрагменте речи Обамы:

(11) Работа найдется для каждого. Состояние нашей экономики диктует необходимость действовать быстро и решительно; и мы будем действовать не только ради создания новых рабочих мест, но и для того, чтобы заложить фундамент нового экономического подъема. Мы построим дороги и мосты, линии электропередач и системы телекоммуникаций, питающие нашу экономику и связывающие нас в единое целое. Мы сделаем так, чтобы наука вновь заняла подобающие ей позиции, и применим самые современные технологии, чтобы повысить качество здравоохранения и понизить его стоимость. Мы заставим землю, солнце и ветер служить нам, приводя в движение моторы наших автомобилей и станки наших заводов. Мы преобразуем наши школы и университеты, чтобы они удовлетворяли требованиям новой эпохи. Все это мы можем сделать. И мы сделаем это.

Этот параграф начинается с высокоуровневого призыва к действиям, затем эти действия специфицируются (создание новых рабочих мест и т.д.), а в конце параграфа оратор вновь прибегает к высокоуровневым высказываниям, описывая наши способности и обосновывая действия за счёт введения основного слогана Обамы: *Да, мы можем!*

Речевые акты

Помимо грамматики дискурса необходимо обратить внимание на роль знания в соответствующей реализации речевых актов и на участие в разговоре в ходе интеракции. Контекстная модель, о которой говорилось в статье, является социокогнитивным основанием теории прагматики, а значит также должна быть учтена как одно из условий соответствия речевых актов. Например, условием утверждения является убеждён-

ность говорящего в том, что слушающий не знает p (Searle, 1969). Это эпистемическое условие характеризует знаниевый компонент в контекстной модели говорящего. Подобные условия должны быть сформулированы для вопросов, обвинений и других речевых актов и учтены при описании контекстной модели, репрезентирующей совместное знание коммуникантов. В примере, который мы разбирали выше, мы увидели, что Обама в основном прибегает к (макро)утверждениям, что предполагает для него, что реципиенты не знают того, что он утверждает. Это может быть справедливо в отношении его эмоционального состояния или планируемых действий, но многое из того, что он утверждает, в целом уже все известно. Это касается многих публичных дискурсов, функция которых состоит в напоминании или акцентировании того, что уже известно.

Разговор в интеракции

И наконец, всё, что было выше замечено в отношении дискурса, имеет отношение и к разговору и другим формам интерактивного речевого общения. Более ранние эпистемические исследования дискурса фокусировались на изучении тематической структуры, фокуса, пресуппозиций, импликаций и эвиденций. Конверсационный анализ, в рамках которого исследователи нечасто обращались к изучению «когнитивных» аспектов разговора, стал обращаться к более частным аспектам (совместного) знания и незнания в разговоре, например, «права» или доступа говорящего к знанию, что позволяет ему формулировать истинностные высказывания (Heritage и Raymond, 2005; Raymond и Heritage, 2006; см. также Sidnell, 2005).

Заключительные замечания

Анализ некоторых характеристик речи Обамы показал нам, что знания одинаково значимы для производства, структуры и понимания дискурса. Дискурс предполагает (семантические) ситуационные модели, о которых в нём сообщается, а также (прагматические) контекстные модели коммуникативной ситуации. Оба типа моделей интерпретируются за счёт применения общего, социально разделяемого в эпистемическом сообществе знания. Эти модели влияют на производство и понимание всех уровней дискурса – от интонации, синтаксиса и лексики до различных типов семантических структур (импликаций, пресуппозиций и дескрипций) и стратегий речевого общения. Важно понимать, что теория дискурса неизбежно включает в себя эпистемический раздел в качестве центрального, в рамках которого объясняется, как коммуниканты управляют знаниями в дискурсной деятельности, например, в ходе адаптации своего дискурса тем знаниям, которыми, как они полагают, владеют члены того же эпистемического сообщества. И несмотря на то, что философия, когнитивистика, нейробиология и социальные науки всё ещё испытывают необходимость в развитии когерентной, интегративной теории знания, они всё же могут предложить нам некоторую основу *эпистемологического анализа* дискурса.

Список дополнительной литературы

К сожалению, литература, посвящённая введению в эпистемологический анализ дискурса, отсутствует. Для более подробного ознакомления с темой статьи могут оказаться полезными следующие источники:

1. Bernecker S. and Dretske F. I. (eds.) Knowledge: Readings in Contemporary Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2000.
2. Erteschik-Shir N. Information Structure: The Syntax-Discourse Interface. Oxford, New York: Oxford University Press, 2007.
3. Graesser A. C., Gernsbacher M. A., and Goldman S. R. (eds.) Handbook of Discourse Processes. Mahwah, NJ: L. Erlbaum, 2003.
4. Van Dijk T. A. Discourse and Context: A Socio-Cognitive Approach. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2008a.

Список основной литературы

5. Barsalou L. W. Perceptual symbol systems // *Behavioral and Brain Sciences*, 22 (4), 1999: 577–660.
6. Barsalou L. W. 'Situating simulation in the human conceptual system // *Language and Cognitive Processes*, 18, 2003: 513 – 562. (Reprinted in H. Moss and J. Hampton, *Conceptual Representation*).
7. Barsalou L. W. Grounded cognition // *Annual Review of Psychology*, 59, 2008: 617 – 645.
8. Bernecker S. and Dretske F. I. (eds.). *Knowledge: Readings in Contemporary Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
9. Bertucelli-Papi M. *Implicitness in Text and Discourse*. Pisa: ETS, 2000.
10. Britton B. K. and Black J. B. (eds.) *Understanding Expository text: A Theoretical and Practical Handbook for Analyzing Explanatory Text*. Hillsdale, NJ: L. Erlbaum Associates, 1985.
11. Britton B. K. and Graesser A. C. (eds.) *Models of Understanding Text*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996.
12. Chafe W. L. and Nichols J. (eds.) *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*. Norwood, NJ: Ablex Corp., 1986.
13. Clark H. H. *Using Language*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1996.
14. Erteschik-Shir, N. *Information Structure: The Syntax-Discourse Interface*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2007.
15. Garcia-Carpintero, M. and Kölbel, M. (eds.) *Relative Truth*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
16. Givón T. (ed.). *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study*. Amsterdam, Philadelphia, PA: J. Benjamins Co., 1983.
17. Givón T. *Context as Other Minds: The Pragmatics of Sociality, Cognition and Communication*. Amsterdam: Benjamins, 2005.
18. Goldman A. I. *Knowledge in a Social World*. Oxford, UK, New York: Clarendon Press Oxford University Press, 1999.
19. Goldman A. I. *Simulating Minds: The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Mindreading*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
20. Graesser A. C., Gernsbacher, M. A., and Goldman, S. R. (eds.) *Handbook of Discourse Processes*. Mahwah, NJ: L. Erlbaum, 2003.
21. Graesser A. C., Millis, K. K., and Zwaan, R. A. Discourse comprehension // *Annual Review of Psychology*, 48, 1997: 163 – 189.
22. Heritage J. and Raymond, G. The terms of agreement: Indexing epistemic authority and subordination in talk-in-interaction // *Social Psychology Quarterly*, 68 (1), 2005: 15 – 38.
23. Johnson-Laird P. N. *Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.
24. Kintsch W. *Comprehension: A Paradigm for Cognition*. Cambridge: Cambridge University Press.
25. Krahmer E. (1998) *Presupposition and Anaphora*. Stanford, CA: Center for the Study of Language and Information, Leland Stanford Junior University, 1998.
26. Kronenfeld D. B. *Culture, Society, and Cognition: Collective Goals, Values, Action, and Knowledge*. New York: Mouton de Gruyter, 2008.
27. Lambrecht K. *Information Structure and Sentence Form: Topic, Focus, and the Mental Representations of Discourse Referents*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1994.
28. Levelt W. J. M. *Speaking: From Intention to Articulation*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.
29. McNamara D. S. and Magliano, J. Toward a comprehensive model of comprehension // *Psychology of Learning and Motivation*, 51, 2009: 297–384.
30. Partee B. H. and Sgall, P. (eds.) *Discourse and Meaning: Papers in Honor of Eva Hajicova*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 1996
31. Preyer G. and Peter, G. (eds.) *Contextualism in Philosophy: Knowledge, Meaning, and Truth*. Oxford, New York: Clarendon Press, Oxford University Press, 2005.
32. Raymond G. and Heritage, J. The epistemics of social relations: owning grandchildren // *Language in Society*, 35 (5), 2006: 677 – 705.
33. Saeed J. I. *Semantics*. Cambridge, MA: Blackwell Publishers, 1997.
34. Salomon G. (ed.) *Distributed Cognitions: Psychological and Educational Considerations*. Cambridge, England and New York: Cambridge University Press, 1993.
35. Schank R. C. and Abelson, R. P. *Scripts, Plans, Goals and Understanding*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977.

36. Searle J. R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. London: Cambridge University Press, 1969.
37. Sidnell J. *Talk and Practical Epistemology: The Social Life of Knowledge in a Caribbean Community*. Amsterdam, Philadelphia, MA: J. Benjamins, 2005.
38. Stehr N. and Meja, V. (eds.) *Society and Knowledge: Contemporary Perspectives in the Sociology of Knowledge*. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1984.
39. Tedeschi J. T. (ed.) *Impression Management Theory and Social Psychological Research*. New York: Academic Press, 1981.
40. Tomasello M. *Origins of Human Communication*. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
41. Van Dijk T. A. *Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. London, New York: Longman, 1977.
42. Van Dijk T. A. *Macrostructures: An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction, and Cognition*. Hillsdale, NJ: L. Erlbaum Associates, 1980.
43. Van Dijk T. A. *Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation*. Amsterdam, Philadelphia, PA: J. Benjamins Pub. Co, 1984.
44. Van Dijk T. A. *Communicating Racism: Ethnic Prejudice in Thought and Talk*. Newbury Park, CA: Sage Publications, Inc., 1987.
45. Van Dijk T. A. *Elite Discourse and Racism*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1993.
46. Van Dijk T. A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London, England UK: Sage Publications, 1998.
47. Van Dijk T. A. *Discourse and Context: A Socio-Cognitive Approach*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2008a.
48. Van Dijk T. A. *Discourse and Power*. Houndmills, UK: Palgrave, 2008b.
49. Van Dijk T. A. and Kintsch, W. *Strategies of Discourse Comprehension*. New York, Toronto: Academic Press, 1983.
50. Van Leeuwen T. J. Representing social action // *Discourse and Society*, 6 (1), 1995: 81–106.
51. Van Leeuwen, T. J. The representation of social actors / C. R. Caldas-Coulthard and M. Coulthard (eds.) *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. London, England: Routledge, 1996, pp. 32–70.
52. Van Oostendorp H. and Goldman, S. R. (eds.) *The Construction of Mental Representations During Reading*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1999.
53. Wilkes A. L. *Knowledge in Minds: Individual and Collective Processes in Cognition*. Hove: Psychology Press, 1997.
54. Zwaan R. A. and Radvansky, G. A. Situation models in language comprehension and memory // *Psychological Bulletin*, 123 (2), 1998: 162–185.

Перевод с англ. яз. – д.филос.н., доц. Е.А. Кожемякин

DISCOURSE AND KNOWLEDGE

T. A. van Dijk

***Pompeu Fabra University
(Barcelona, Spain)***

***e-mail:
vandijk@discourses.org***

The paper investigates the relations between discourse and knowledge. The epistemological foundation of the article consists of a new definition of knowledge in terms of belief consensus in epistemic communities and knowledge attribution in discursive contexts. It investigates how knowledge management in discourse processing is controlled by the mental models of the speech participants at all levels of text and talk that manifest these forms of knowledge management: role of focus in speech, syntax structures, presuppositions, implications, evidentiality, etc. It is shown here that discourse presupposes both situational and context models of events and situations, construed by the application of general, socially shared knowledge of the epistemic community. These models control the production and comprehension of all levels of text and talk. The paper is based on the example of Obama's inaugural speech of 2009.

Keywords: discourse, knowledge, epistemic features of discourse, mental model, text and talk, knowledge management.